

Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим
и этнографическим данным: Тез. докл. / Под ред. Э.И. Львовой. — Изд-во
Том. ун-та, 1985. — 9,2 — I р. 40 к. 500 экз. 0504000000.

В сборник вошли статьи по проблемам исследования традицион-
ного мировоззрения народов Западной Сибири и сопредельных районов.
С привлечением лингвистических, археологических, этнографических
источников решаются общие и частные вопросы методологии и методов
изучения и реконструкции мировоззренческих представлений, публикуются
новые полемические материалы, исследуются формы взаимодействия традици-
онных и современных культур в наше время. В числе авторов сборника
широкий круг исследователей, которые представляют ведущие научные
центры Москвы и Ленинграда, столиц советных республик, вузовской
науки Сибири.

Книга рассчитана на исследователей, работающих в области
этнознания, истории, археологии и этнографии.

Рецензент —
канд. ист. наук В.И. Молодин

Ред. коллегия:
Э.И. Львова (канд. ист. наук, отв. редактор)
Е.А. Васильев, В.М. Кулемзин (канд. ист. наук)

0504000000
117(012)-85 32-85

С

Издательство Томского университета, 1985.

определять содержание тех процессов и явлений, которые осуществлялись в наши дни в традиционном народном искусстве. Необходимо установить — что сохранить, поддержать (а если потребуется и возродить) и от чего отказаться. И от того, как эта задача будет решена, зависит — обретется ли традиция народного искусства только в наследие прошлого, пусть даже богатое, или она будет жить в современном искусстве и войдет в наш быт в новых, имеющих историческую перспективу, формах.

Головнев А.В.

О культуре ытарма и сидрянг у ненцев

Ытарма и сидрянг — сакральные куклы по умершему, место которых в культово-ритуальном комплексе ненцев, на первый взгляд, почти одинаково. По мнению Л.В. Хомич, различия между ними обусловлены этнокультурными факторами: ытарма являлась "чисто ненецким божеством", тогда как сидрянг представляла собой культовый компонент угорского происхождения. При этом функционально обе сакральные традиции в равной степени были связаны с культом предков. Материалы, собранные нами среди надымских и гыданокских ненцев, позволяют внести некоторые дополнения в систематизацию, предложенную Л.В. Хомич.

Действительно, если ытарма — явление общененецкое, распространенное в прошлом в тундровой зоне от Енисея до Канинского полуострова, то сидрянг изготовлялась лишь представителями родов хантыйского происхождения — Салиндер, Неркыгы, Пандо и др. Более того, данный признак культуры выступал едва ли не самым значимым этноопределителем (по крайней мере у надымских ненцев) при дифференции "чистых" ненцев и "хаби" — ненцев иноэтнического происхождения.

Однако не только различия в этнической природе обусловили самобитность этих двух сакральных форм. Ытарма изготовлялась сразу или по прошествии нескольких лет после смерти шамана или старика-долгожителя по специальному указанию "ответственного" за связь с потусторонним миром шамана категории самбона. Сидрянг делалась каждому умершему после погребения тела, за исключением младенцев, "не вставших на ноги" и не получивших имени, то есть по поверьям ненцев, не наделенных еще душой, тенью (сидрянг, ся-

сидряг)¹. Если чытарма изготавливалась стилизованно, то сидряг придавались индивидуальные черты покойного. Чытарма хранили в любом месте чума, кроме углов при выходе, "кормили" лишь первое время, перевозили с собой в женской нарте вместе с детьми; сидряг укладывали спать и сажали за стол только на место покойного, "кормили" в течение трех (по смерти женщины) или пяти (по смерти мужчины)² лет, после чего хоронили, имитируя в миниатюре реальное погребение: сколачивали маленький гроб, на месте захоронения убивали оленя, оставляли нарту, в которой сидряг персонально перевозился. Чытарма шамана могла использоваться и в ритуальных целях — для врачевания, прогнозирования погоды и т.д.

В отличие от чытарма сидряг — не освящение прошедшей жизни, а имитация ее продолжения. Сохранение для сидряг распорядка бытия ее прототипа и "вторичное" захоронение наводят на мысль о осуществлении у ненцев традиции иррационального искусственного продления жизни, а точное, жизни души, тени человека (сидряг, сидяг) во плоти двойника-куклы. Душа умершего живет некоторое время среди близких, является им в оновидениях и требует материализации своего бестелесного состояния в облике куклы. Умирает душа (сидряг) спустя 3-5 лет после смерти "первоначального" тела, превращаясь в жука или в паука.

У нганасан (Г.Н. Грачева) существовали сходные представления о продолжении после смерти человека жизни его души-тени сиденгга (ор.: сидряг, сидяг — нен.; сидак, сидаг — энец.), правда, нганасаны не изготавливали кукольных двойников, а кормили сидангга через огонь. Кеты, по сведениям Е.А. Алексеенко, считали, что явление во сне образа умершего свидетельствует о желании его души воплотиться в двойника — куклу даңгол'о. Возможно, само представление о жизни души после телесной смерти во многом порождено явлениями покойных в оновидениях близких. На этой мировоззренческой почве и основан обряд заместительной инкарнации души-сидряг у ненцев. По содержанию он выступает скорее завершающим этапом погребального цикла, нежели формой культа предков.

1. В случае смерти безымянного ребенка его матери полагалось привязать к поясу ягушки медную пуговицу или монету (лонгей) и носить ее до случайной потери.
2. Современный календарный год равен двум ненецким — летнему и зимнему. В данном случае указаны сроки по ненецкому летоисчислению.

Обряд "чытарма" действительно соответствует характеристикам культа предков, имея в основе сакрализацию образов людей, заслуживших почет. Чытарма не возводится в ранг духов-покровителей, ее магический арсенал по сравнению, например, с хэхэ бледен, в связи с чем чытарма обычно перевозили не в священной нарте, а в женской и хранили не в си' ("переднем углу" чума), а в изголовье постели.

Модифицированный обряд "чытарма" проводился и ненцами-хаби, практиковавшими изготовление сидряг. Куклы-двойники наиболее уважаемых людей могли превратиться к моменту "вторичных" похорон в чытарма. Для этого "старухи-шаманки" (по выражению надымского ненца И.В. Неркыгы) приподнимали голову сидряг и определяли, желает ли она сделаться чытарма. В случае "согласия" с сидряг снималась одежда и пряталась под корни дерева, а оставшаяся голова преобразовывалась в новом облачении в чытарма.

В данном примере едва ли следует усматривать синкретизацию двух различных религиозных форм: вероятно, упомянутое сочленение сидряг и чытарма обозначает процесс заимствования вошедшими в состав ненцев уграми ненецкого варианта культа предков.

Примечательно, что у северных хантов и манси имелась своя форма этого культа, причем североугорские куклы по умершим шаманам и старикам, согласно данным З.П. Соколовой, именовались "иттарма" ("итърма", "итәрма"), то есть аналогично с ненецкой чытарма. В категорию "иттарма" включались и зооморфные духи-покровители (лягушка, ящерица), и сакральные изображения лиственницы, и, что особенно любопытно, куклы по умершему типа сидряг. Угорская "иттарма" гораздо шире и многослойнее ненецкой чытарма; при этом у хантов обычная кукла по умершему именуется "иттарма", у ненцев — сидряг, хотя сам термин "иттарма" происходит из ненецкого языка, и ненецкий сидряг по содержанию — североугорское явление.

Разрешению данного "противоречия" служат материалы прошлого столетия (И.П. Росляков), согласно которым северохантыйская кукла по умершему именовалась "шонгот". При сопоставлении этой информации с угорскими терминами, обозначающими умершего — "шунгат" (З.П. Соколова) и душу, вселяющуюся в изображение покойного — (В.Н. Чернецов), становится очевидным, что в прошлом хантыйская иттарма — кукла по умершему называлась "шонгот". Она и явилась угорским прототипом сидряг. Обряд "шонгот" продолжал бытовать и в североугорской среде, но номинально он

растворился в разноликом функционально и единообразном по форме культовом комплексе, обозначавшимся ненецким термином "иттарма".

Глушков И.Г.

К вопросу о традициях в самусьском искусстве
(предварительное сообщение)

Самусьская культура в археологии Западной Сибири известна прежде всего мощным бронзолитейным комплексом и яркими, своеобразными антропоморфными рисунками на керамике. Но, как ни странно, именно эти два аспекта оказались наименее всего освещены в археологической литературе.

Проблеме семантики антропоморфных изображений в свое время исследователи уделяли большое внимание. Археологи в своих концепциях исходили из представления о единстве антропозооморфного комплекса сосудов, единстве культурных традиций в генезисе самусьского искусства. К сожалению, никто из них не провел детального статистического анализа, как более или менее значительного массива изображений, так и всего огромного керамического материала поселения Самусь IV.

Чтобы избежать субъективности и получить наиболее полную картину тех или иных закономерностей в расположении и изображении рисунков и отдельных орнаментальных знаков, необходимо обратиться к статистике. Особенно продуктивным может быть использование элементов позиционной статистики, эффективно применяемой в дешифровке древних языков (М.А. Пробст). Структура знаков, динамика их нанесения, конкретное место в общем "контексте" — все это приобретает характер статистической закономерности или ее отсутствия.

Статистический анализ большой совокупности (более 5 000 ед.) керамики с поселения Самусь IV показал ее значительную неоднородность¹. В результате были выделены две большие группы керамики². К е р а м и к а I-й г р у п п ы имеет глубокие местные корни в неолитической верхнеобской культуре. Аналоги ей встречены на всех памятниках самусьской культуры в Томском и

---

1. В обработку намеренно не включен комплекс гребенчатой (лесной) посуды.

2. Более детальная типология не входит в задачи данной работы.